

«Приезжай ко мне в тюрьму», — сказала, прощаясь, Аксана Панова...

25 июня в Екатеринбурге начинается предварительное судебное разбирательство по «делу Аксаны Пановой».

Дел, на самом деле, четыре. Экс-руководитель российского информационного агентства «Ура.ру» обвиняется в совершении преступлений: по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ («вымогательство денежных средств в размере 3 300 000 руб. и 354 000 руб. за отказ от распространения позорящих сведений руководителя ОАО «ОблТВ»...»); ч. 3 ст. 159 УК РФ («заключение фиктивного договора с ООО «Остров» и получение 100 000 руб. <...> вопреки достигнутой договоренности был осуществлен выпуск компрометирующей статьи...»); ч. 1 ст. 201 УК РФ («причинение существенного вреда правам и законным интересам ООО «Ура.ру», выразившимся в нанесении материального ущерба в размере 12 758 126 руб.»); п. «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ («вымогательство средств в особо крупном размере, 1 000 000 руб., в отношении генерального директора ЗАО «Бона» взамен прекращения опубликования в отношении него негативных сведений...»).

— «Аксане мстят за Ройзмана, которого перекусить не сумели», — сказал Глеб Павловский. Он верное сделал заключение?

— Ройзман — это мое проклятие. Что тут душой кривить, конечно, это так. Это истории взаимосвязанные, безусловно. Если бы я отошла от этого «фронта», о чем меня предупреждали...

— Кто тебя предупреждал?

— Все. Начиная от губернатора Свердловской области Куйвашева, который говорил мне: «Отойди от Ройзмана. Это очень небезопасно, отойди, рядом с ним стоять не нужно. Ты знаешь, кто он такой?!» У них на него есть куча каких-то справок, которые они сами напридумывали, справок, где он отъявленный бандит и кушает младенцев...

«Ройзман как шериф»

— За счет каких финансовых средств существует фонд Ройзмана «Город без наркотиков»?

— Реабилитанты платят фонду за содержание по 8 тысяч в месяц.

— Ну, это копейки.

— Конечно. Ройзман туда вкладывает свои деньги. У него есть единственный бизнес, это ювелирный. Есть маленькая автомастерская при фонде, где работают бывшие реабилитанты. И всё. Ройзман в свое время купил очень много собраний картин, икон, он продает это все и деньги вкладывает в этот фонд. Если у него утром есть в кармане, например, 30 тысяч рублей, то уже к обеду их нету. Он просто все раздает. При мне это было миллион раз. Фонд это не просто место, где борются с наркотиками, туда идут люди с самыми разными проблемами, начиная с того, что они не знают, куда обращаться, когда у них по пять раз рвет какую-нибудь трубу, и заканчивая, ну не знаю... Недавно к нему пришел молодой человек, который отлично поет и который не может никак найти деньги для поездки на какой-то фестиваль, а голос уникальный. И вот Ройзман вместо Министерства культуры работает. Он отправляет этого человека ко мне, он у меня в редакции поет. Мы записываем, ставим на сайт его ролик и просим денег, люди дают деньги. То есть подменяем собой органы власти. А куда деваться? Или к нему приходят, допустим, дочка умирает от рака, нужны деньги. Он отправляет их ко мне, я выслушиваю эту историю, мы обращаемся к людям. Что у него есть в карманах свое, он отдает тоже. Я думаю, что Ройзман как шериф. Он решает, разруливает все проблемы. Если к нему никто не приходит, если час никого нету — все, небо упало на землю. Что случилось?

«Они власть захватили, они понимают, что они сидят незаконно»

— А что касается Павловского, мы давно знакомы с Глебом Олеговичем, я у него возглавляла бюро «Страна.ру» по Уральскому федеральному округу.

— Ты многому научилась у Павловского?

— Чему-то, конечно. Когда мы начали работать, он говорил: «Наша задача — работать для VIP-персон, писать о VIP. Это было неформальное агентство администрации президента, то есть такой альтернативный сбор информации для администрации президента. Не то, что дает вертикаль, а что на самом деле происходит в стране.

Ведь почему феномен «Ура.ру» в свое время сработал? Потому что это агентство, которое попало в мониторинг администрации президента среди очень небольшого количества ежедневных СМИ. Они же не знают, что происходит на местах.

Они же власть захватили, они понимают, что они сидят незаконно. У нас есть губернатор по Свердловской области Куйвашев. Вот этот Куйвашев еще в 1997 году был оператором бетономешалки. Потом он спустя какое-то время становится мэром Тобольска. Оператор бетономешалки. Я ничего не имею против людей труда, ради бога, они должны расти. Но он стал мэром как-то очень быстро, и потом выясняется, что он окончил какой-то институт пограничный ФСБ. Когда начинаем проверять и смотреть, выясняется — нет такого выпускника.

Каждый из них понимает свою нелегитимность, они понимают это, они не уверены в себе. И если кто плохо сказал про них, они не вступают в диалог, не отвечают словом против слова, а решают замочить, посадить, убрать, чтобы никого не было, чтобы никто не посягал.

— То есть ты считаешь, что Куйвашев тебе за что-то мстит?

— Да. За тексты, за позицию, за независимость, за то, что я сильнее его.

— Извини, я задам личный вопрос, поскольку это уже было в прессе. Скажи, в данной ситуации личное отношение Куйвашева к тебе — это доминирующий фактор?

— Я отвечу так — фактор. Мне кажется, что этот фактор, безусловно, играет. Я не мужчина, мне сложно понять мужчину, мужское самолюбие, когда женщина выбирает другого мужчину. Есть какая-то обида. Казалось бы, он, как у них там принято в президентской вертикали, альфа-самец. Он здесь всё, он власть, он победитель. Он стал губернатором. Выборы прямые в субъекте не дали назначить. Тот же самый Ройзман потерял возможность выдвинуться. И вдруг ему (Куйвашеву) отказывают, выбирая кого? Как он считает, уголовника, бандита, человека нечестного (имеется в виду Е. Ройзман. — Е. М.).

— Если бы не было истории личных взаимоотношений с Ройзманом, то не было бы и уголовных дел?

— Я думаю, да. Это было начало, потому что про Ройзмана отказались писать все. Вся местная пресса не стала писать и следить, что происходит. А они пошли против него, объявили ему войну. И когда захватили реабилитационные центры (принадлежащие фонду «Город без наркотиков». Эту спецоперацию проводило ГУВД Свердловской области. — Е. М.) ночью 22 июня прошлого года, как я могла отойти? Они сказали:

«Отойди», а мы начали писать. Мы начали писать и были единственные, от кого страна узнавала, что здесь происходит. Если бы мы тогда от него отошли, был бы полный информационный вакуум. Проходит обыск, и ни одно СМИ не дает сообщения о том, что идет обыск в фонде. Это могла быть тихая-тихая расправа. Как я могла от него отойти? А агентство наше было крупнейшее за пределами Москвы, и понятно, что оно было очень влиятельное, и понятно, что, объединившись с Ройzmanом, мы могли раскачивать любые темы, как Сагу, например. Мы сразу поднимали эти темы на федеральный уровень. Это было очень опасно.

Журналист в обслуге

— **Цитата. Леонид Волков, оппозиционер: «СМИ Пановой было верным агитлистком губернатора Мишарина (экс-губернатора Свердловской области. — Е. М.), пока сидела на контракте с резиденцией. Потом контракт закончился, губернатор Мишарин вдруг перестал быть эффективным менеджером. В период... примерно до июля 2012 года все «Ура.ру» провело с языком в заднице у сначала полпреда, а потом губернатора Куйвашева. В августе тональность текстов о Куйвашеве полярно меняется». Что на это скажешь?**

— А как вы себе представляете, за счет чего живут региональные СМИ? У нас нет никаких дотаций, мы не являемся «Российской газетой», мы должны деньги находить сами. Для того чтобы существовать, платить налоги, нужно собирать рекламу. Но у меня интернет-СМИ. Реклама в Рунете не работает. Баннерная реклама приносит нам порядка 30% доходов. И поэтому это не может стать основным источником доходов. Мы просматривали варианты платной подписки. Но при сегодняшнем распространении, проникновении интернета это бред. Я закрою ленту, а у других она открыта. Смысл какой? Мне никто платить не будет, я на этом не заработаю. Да, это чудовищно, но это существует. Существуют «договоры информационного обслуживания», они существуют у всех — так называемые «договоры» с органами власти, с какими-то предприятиями, еще с кем-то. Они негласно существуют во всех редакциях. Я, может быть, открою тебе какую-то безумную тайну, но это есть и в федеральных СМИ. Есть или какой-то один инвестор, как, например, Лебедев в «Новой», или если одного нету, то есть десятки договоров с разными-разными инвесторами, из которых складывается бюджет. Никак по-другому СМИ существовать не может.

— **Что значит «договор информационного обслуживания»?**

— «Договор информационного обслуживания» — это договор, по которому ты обещаешь клиенту, что что-то не будешь делать, а что-то будешь для него делать. Например, мне неинтересно открытие какой-нибудь домны на Магнитке, и я бы это не поставила. Но у меня есть договор, и я эту информашку сделаю. Но ты ее совершенно точно увидишь, что эта информашка коммерческая, потому что она будет выделяться из ленты.

— **А как она будет выделяться?**

— Контент не тот...

— **То есть написано не будет, что это «на правах рекламы»?**

— Зачастую не пишется нигде.

— **На вопрос издания «Очевидец Медиа» в декабре 2010 года о доле проплаченных материалов на «Ура.ру» ты ответила: «По-разному, обычно в течение дня 20–30% заказные. Мы делаем все возможное, чтобы читатель понял, что это заказуха. Да это же видно, я пытаюсь семафорить между строк».**

— Да, конечно, это видно, абсолютно точно видно. Ну, с какой стати в ленте стоит информашка про какую-нибудь домну?!

— **А тебе не стыдно, что ты вставляешь материал про эту домну или про что-то подобное?**

— Хорошо, а как мне жить? Закрывать СМИ? Чтобы мне опубликовать то, что я хочу опубликовать, мне нужно опубликовать про эту домну, иначе я не смогу написать, как воруются деньги, например, на строительстве Центрального стадиона в Екатеринбурге, не смогу написать правду про полпреда Холманских, еще про кого-то. Я не смогу это сделать. Как мне жить? Я тогда закроюсь вообще. Денег не будет, СМИ не будет совсем. Какой выход из этой ситуации? Давай, предложи мне.

— **30% — это очень много. Сейчас тоже...**

— Нет, сейчас вообще нет платных.

— **А на что вы существуете?**

— На деньги от продажи пакета «Ура.ру».

— **Когда-то эти деньги закончатся...**

— Да, закончатся. Будем как-то выходить из ситуации. Не знаю, что. Дальше суд.

— **Про домну рассказывать будешь?**

— Да, но буду ставить «на правах рекламы». Никак по-другому СМИ не существуют.

— **Но захочет ли владелец этой домны, чтобы было написано «на правах рекламы»? Он же хочет, чтобы это был информационный материал, потому что он по-другому воспринимается, нежели «на правах рекламы».**

— Конечно. Будем договариваться. Вариантов нет. Или закрывать СМИ. Скажи мне модель.

— **Я не знаю модель. Я просто пытаюсь понять, насколько это честно по отношению к профессии.**

— О честности можно говорить, когда газеты оплачивало государство или еще кто-то. Сейчас же никто за это не платит, нету никого, кто бы это финансировал. То есть если ты медиаменеджер, ты должна сама для себя находить деньги на свой проект или не выпускать вообще ничего.

— **Хорошо, вот есть эта домна, а к тебе случайно попал какой-то материал, какая-то информация, компрометирующая владельца этой домны, ты будешь публиковать этот материал?**

— Вот этот момент как раз самый сложный. В чем была наша штука: если эта информация действительно очень важная, мы расторгли договоры и публиковали. За эту дерзость нас и не любили. Потому что в такой ситуации я совершенно спокойно отказывалась от денег и публиковала то, что нужно читателям. От этого и была популярность. Потому что если стоит вопрос между фактом и деньгами, мы всегда выберем факты, выберем материал. Всегда так было.

— **Ты расторгла раньше времени договор?**

— Конечно, расторгла.

— **Например, с кем ты расторгла договор?**

— Да с кем угодно, много с кем. Например, с депутатом Госдумы Валерием Язевым (фракция «Единая Россия». — Е. М.). Он хотел, чтобы мы взяли у него платное интервью. Заплатил. Вопросы были с ним согласованы.

— **А сколько он предлагал денег?**

— Не помню, тысяч 30, наверное. К нему приходит наш корреспондент Оля Братцева, а он сидит нога на ногу, ковыряется в зубах (поел или ест что-то): «Ну чё, ну давай... Ну все, пошла вон отсюда». Она приходит, сидит и рыдает над клавиатурой. Я говорю: «Что случилось?» И слышу рассказ. Я говорю: «Да что ж такое». Она говорит: «Сейчас я расшифрую». Я говорю: «Не надо ничего расшифровывать, мы не будем этого ставить. Никогда в жизни эта дрянь не будет у нас на сайте». И, соответственно, тут же я говорю бухгалтеру: «Деньги вернуть». На следующий день у него должна быть пресс-конференция. Я говорю: «Я не знаю, что я могу сделать, но я сделаю так, чтобы он почувствовал, что так себя вести с журналистами нельзя. Все-таки не продается все». Мы договорились с ребятами из других СМИ, пришли на пресс-конференцию, начали задавать всякие вопросы, очень неудобные и неприятные для него. Он сидит, не понимает, что происходит, я встала и говорю: «Мы объявляем бойкот вам, пока вы не научитесь общаться, пока не научитесь уважать журналистов, никто про вас здесь писать не будет». Все встали и с этой пресс-конференции ушли, а он остался. Был такой эпизод.

— **Очень хороший эпизод, очень хорошая корпоративная поддержка. Но сейчас, когда против тебя возбуждены уголовные дела, тебя поддержали местные СМИ?**

— Местные — нет. Местные очень радуются, бегают и еще пытаются запинать. Это как обезумевшая толпа.

— **То есть против депутата все объединились, а защитить тебя...**

— Нет, они считают, что освободится место, и это будет их место на рынке, и они станут мной.

ОПГ журналистов

— **Оперуполномоченный Рябинин, который разрабатывал твои уголовные дела, описывал в своих рапортах журналистский коллектив «Ура.ру» как организованную преступную группу.**

— Да, они хотели нам пришить еще одно дело, они хотели сделать, что «Ура.ру» это не редакция, а организованная преступная группа, созданная с целью вымогательства, и попытались еще пришить статью «Легализация доходов, добытых преступным путем». Один из 26 томов моего дела — это как раз разработка этой линии. И я была бы лидером организованной преступной группы, то есть это настоящая мафия. Не получилось у них.

— **Но если том дела есть, то при желании можно продолжить расследование.**

— Да, конечно. Они карточки всех сотрудников запросили в банке, разрабатывая эту версию, и там смешно — легализация доходов, добытых преступным путем: покупка прокладок в аптеке, покупка хлеба в магазине. Ну, группа, организованная преступность...

— **Как в твоём коллективе (Аксана Панова сейчас возглавляет интернет-газету Znak.com. — Е. М.) относятся к перспективе того, что тебя могут посадить и они останутся без руководителя?**

— Мы готовимся к этому. У нас все проработано.

— **Завещание подготовлено?**

— Все сделано, все, все. Если меня посадят, ничего не остановится, абсолютно ничего. Завещание сделано. Там же не только работа, еще и ребенок. Там опека. Я один родитель, и, соответственно, еще нужно будет с Артемкой (9-летний сын Аксаны Пановой. — Е. М.) решать. Эти вопросы мы тоже прорабатываем, мы полностью готовы к тому, что будет посадка. Иллюзий-то немного, точнее, никаких, но никто не сдаётся. Молча умирать никто не будет.

— **Еще цитата из того же интервью «Очевидец Медиа». Вопрос: «Тебе сейчас достаточно свободы?» Твой ответ: «С одной стороны, да, а с другой — я понимаю, что если и дальше все пойдет именно так, как сейчас, то я могу уехать отсюда и уеду».**

— Да, я хотела одно время уезжать отсюда, правда. Перед большим предвыборным циклом, в 2011 году. Мне казалось, что ничего хорошего здесь не будет.

— **А куда ты хотела уехать?**

— Не знаю, про страну я не думала, но я просто думала, что нужно к этому готовиться.

— **А что бы ты делала в другой стране? Журналисту очень тяжело в чужой стране.**

— Вообще невероятно, все, что мы умеем, — это буквы в слова составлять. Не знаю. Но я думала, что душно стало, понимаешь. Я понимала, что ничего не изменится, вообще ничего не изменится.

— **Ты жалеешь, что не уехала?**

— Ну, видишь, как говорит тот же самый Глеб Олегович Павловский: «С этой страной меня примиряют женщины», я могу отзеркалить и сказать, что с этой страной меня примиряют мужчины. И если бы не какие-то отношения, то я всерьез бы думала, что нужно сделать для того, чтобы отсюда уехать.

— **То есть отношения с Ройзманом в какой-то степени заставили тебя здесь остаться?**

— Да, я думаю, да. Но для ребенка я сейчас ищу варианты, чтобы у него был выбор. Это я выбрала здесь оставаться, а у него такого быть не должно. Я не хочу за него решать. Много наших знакомых и родственников уехало, и мы сейчас делаем все для того, чтобы Артема, во всяком случае, во время суда здесь не было. Потом буду решать, что делать дальше.

— **Он знает, что суд будет?**

— Нет. Про суд — нет, он не понимает так глубоко, я не объясняла. У него должно быть детство. Я не хочу ему портить этим всем... Это совсем еще маленький человечек, и когда у тебя вышибают дома дверь, бегают какие-то люди, обыски, постоянные угрозы ареста, мама постоянно на допросах с утра до вечера, и ты не можешь позвонить и поговорить с ней, потому что она на допросе, на допросе, на допросе... Когда все это закончится, я попытаюсь с ним поговорить. Сейчас мы про это не разговариваем, он думает, что все закончилось.

— **Если так случится, что тебя посадят, надо же будет что-то объяснить сыну...**

— Да. Не знаю, что сказать.

«За каждое говно у них есть своя мера наград»

— **Извини, что спрошу об этом. В своем блоге ты писала, что оперуполномоченный Рябинин в морге сфотографировал тело твоего ребенка (Аксана Панова во время следствия была беременна. Ребенок умер. — Е. М.). Откуда ты это знаешь?**

— Врачи сказали. Он везде ходил за мной, я подходила к работе, он у работы стоял. Ну, везде, везде, везде. Мне кажется, ему говорили оказывать еще психологическое давление, добивать, говорить всякие гадости. Александр Рябинин — странный человек, с которого все началось, который написал рапорт о том, что ему стало известно, что с моего счета украли деньги.

— **А как он узнал?**

— У меня такой же вопрос. Это же оперативная информация, она никак не объясняется. Я тебе скажу честно, это парад уродов, потому что все они так или иначе зависимы от системы, должны ей. Оказалось, что на одного из следователей возбуждено уголовное дело за мошенничество. Они все чем-то привязаны и отрабатывают. Один (не буду говорить, кто) подозревается в убийстве человека, живет под чужой фамилией, не под своей. Такого человека с такой фамилией вообще не существует в паспортных данных.

— **Он свидетель или следователь?**

— Он силовик, давай их так называть. У каждого из заявителей, которые писали заявления на меня, существует огромный криминальный шлейф. Например, есть заявитель по фамилии Кримко, которого я никогда в жизни не видела, некий «бизнесмен К.». Он так назвался, потому что боялся расправы. Он был неоднократно судим за мошенничество, за фальсификацию документов, за клевету, подозревался в убийстве. На сегодняшний день у него четыре уголовных дела, закрытых по непонятным причинам. Мы должны его остановить, потому что я больше чем уверена, что он пишет доносы, на кого скажут, и я не единственный человек, на кого он писал.

— **А Рябинин кто такой?**

— Нет такого человека. Он представляется Рябининым, но такого человека с такими паспортными данными, которые у него, не существует.

— **Подожди, если не ошибаюсь, он старший оперуполномоченный УЭБиПК ГУ МВД.**

— Настоящая фамилия у него другая. Он живет под прикрытием. Он совершил преступление. А ему за участие в моем деле уже медаль дали «За доблесть». Понимаешь, за каждое говно у них есть своя мера наград.

— **Ты думаешь, что эти разоблачительные сведения о свидетелях, следователях помогут тебе в суде?**

— Если суд будет не закрытым, я покажу обществу, что происходит. Мы проводим журналистские расследования по каждому человеку-заявителю, мы на самом деле ведем свое следствие. Если суд не закроют и суд будет открытым, то всем станет очевидна абсурдность обвинений.

— **А почему суд могут закрыть?**

— Потому что есть засекреченные свидетели. Они же засекретили свидетелей, которые якобы боятся расправы с моей и Ройзмана стороны. Они утверждают, что мы им угрожаем. Если бы это было действительно так, то на нас бы давно завели еще одно уголовное дело по фактам угроз.

— **А если суд будет закрытый?**

— Будем писать у себя.

— **А сколько человек в твоих уголовных делах проходят по программе защиты свидетелей?**

— Мне сейчас известно о двух. И я знаю, кто это. Валентина Гофенберг — она представляется моей лучшей подругой, с которой я делилась, как говорит следствие, всеми своими преступными замыслами.

— **Она работала с тобой?**

— Никогда в жизни. Да, мы знакомы. Но мы никогда не были подругами. У нее есть рекламное агентство, и иногда они у нас размещали какие-то баннеры. Сколько-то раз я с ней встречалась, как встречаюсь со многими людьми в этом городе. Например, она говорит: «Да, мне известно, как Панова собиралась совершить мошенничество при сделке по продаже «Ура.ру». Она мне все рассказала». Следствие хотело предъявить мне мошенничество при сделке, но у них не получилось.

— **Как думаешь, почему Валентина Гофенберг обвинила тебя в мошенничестве?**

— Потому что она также от них зависит. Мы все, что можно, нашли про нее. Например, фиктивное банкротство у нее было. Она человек не очень высоких моральных принципов. Это человек, который собирал по городу деньги на лечение от рака своей мамы, а потом на похороны. А мама жива-здоровая.

— **А второй свидетель?**

— Второй свидетель — это водитель человека, который занимался обналичиванием наших денег. И он тоже засекреченный. Утверждает, что видел, как я похищала деньги.

— **А как ты узнала имена этих тайных свидетелей?**

— У Вальки стоит подпись — ВГ. Фамилия ее в деле изменена, а подпись нужно было ставить.

— **Ты по подписи определила?**

— Конечно.

— **А водителя как?**

— Сначала в деле он дает показания как одно лицо, под одной фамилией, а потом то же самое, но уже с другой фамилией, а подпись одна и та же.

— **То есть фактически следствие выдало свидетелей.**

— Конечно.

— **Что ты знаешь о судье?**

— Я знаю, что это уникальный случай в отечественной юриспруденции, у нас судьи-близнецы. Они в разных судах. Знаю, что они очень любят мотоциклы, что им в районе 30 лет, окончили Суворовское училище и были все время отличниками, красnodипломниками. Абсолютно два системных человека. Мой адвокат говорил, что наше дело отдадут или человеку, который перед пенсией, которому не страшно принимать решение, он сразу же уйдет, или каким-нибудь молодым карьеристам. И то и другое для нас очень плохо.

Прокуратура полностью поддержала обвинение, сто процентов, за день все подписав, все 26 томов, все прочитав. Не знаю, как они там читают, какие курсы скорочтения они все проходят. Нам читать не дали. Мы читали две недели, нам ограничили чтение, сказали: «Хватит, начитались».

«Можно тебя убить, но это же не значит, что они победили»

— **Хочу тебе одну цитату привести: «Каждому русскому интеллигентному человеку нужно хоть сколько-то посидеть в тюрьме. Это понимание жизни не помешает никому».**

— Ройзман...

— **Да, это сказал Ройзман.**

— Он передумал уже. Если так получится, что я сяду, ничего страшного не случится, жизнь не закончится, просто начнется другая жизнь, и я готова к этому. Я готова к этому с того самого момента, как возникла угроза ареста. Я живу так девять месяцев. Я знаю, что это может случиться. Но я же никуда не бегу, я готова к тому, что судья удалится в совещательную комнату, выйдет и скажет, сколько там прокуратура попросит... Прокуратура попросит очень много. 20 лет тюрьмы...

— **Как прошла твоя последняя неделя перед судом?**

— Как обычно. Я вела себя, как всегда. Когда меня некоторое время назад предупреждали, что будет арест, мне позвонила местная уполномоченная по правам человека и сказала, что она съездила и выбрала уже для меня камеру. Потому что меня хотели посадить в камеру с какими-то бомжами, сифилитичками, в какую-то очень плохую камеру. И уполномоченная мне честно сказала, что это все, что она может сделать в этой ситуации. К слову сказать, я была беременная тогда. Она, типа, встала на мою защиту, и поэтому меня посадят в нормальную камеру. Нормальная у нас защита прав человека, просто офигительная! Но ей тоже деваться некуда, потому что она назначена указом губернатора и делает то, что она может делать в этой системе.

— **Что ты ей ответила?**

— Сказала «спасибо».

— **А беременных разве могут задерживать?**

— Конечно. А почему нет? Беременность не болезнь. Беременность не входит в список болезней, с которыми нельзя арестовывать. Это не является причиной, это не является отводом для допроса. То есть они сколько угодно могут допрашивать беременных. Это же неправильно, когда тебя в туалет водят конвоем люди с автоматами и в масках. Это психологическая атака, это же ничего больше, потому что человек не ломается, не ломается... Кто не сдается, того победить нельзя. Можно тебя убить, например, но это же не значит, что они победили. Если ты смотришь им в лицо, разговариваешь с ними, и ни одной слезинки...

— **Ты жалеешь, что не уехала, пока у тебя не было подписки о невыезде?**

— Нет, не моя тактика. Я не могу бегать. Для меня понятен ближний бой, а побежать — это все равно что признать вину, испугаться. А я их не боюсь вообще никого, я никого из них не боюсь.

— **Ты в понедельник ляжешь спать. Ты знаешь, что во вторник тебе уже могут изменить меру пресечения.**

— Да, по мере там будет решаться вопрос. Ну и что? Я все равно проживу и эту ночь, и это утро так, как будто бы ничего не происходит, как нормальный человек. Нельзя дать им возможность украсть у тебя твою жизнь. Это твоя жизнь, и нужно проживать ее так, как ты хочешь. Пока ты не сдался, они вообще ничего не могут сделать.

Елена Масюк

Автор: Артур Скальский © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3830 26.06.2013, 17:50 📄 664

URL: <https://babr24.com/?ADE=116135> Bytes: 26441 / 25885 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

